

ИРОНИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

РИСК, ШАНС И ДОГМЫ СИСТЕМЫ РФ

Глеб Павловский

Глеб Павловский

**Ироническая империя. Риск,
шанс и догмы Системы РФ**

«Европа»

2019

УДК 321.01
ББК 63.3 (2 Рос)

Павловский Г. О.

Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ /
Г. О. Павловский — «Европа», 2019

ISBN 978-5-9739-0225-4

«Ироническая империя» обобщает политический опыт работы Павловского с российской властью. Это новый взгляд на природу «военного общества мирных времен». #СистемаРФ – глобальная стратегическая игра Кремля с населением, где главная ставка – выживание их обоих. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 321.01
ББК 63.3 (2 Рос)

ISBN 978-5-9739-0225-4

© Павловский Г. О., 2019
© Европа, 2019

Содержание

Конструктор с зубами	6
Политическая социология Глеба Павловского	7
Вместо введения. Самая удачливая из России	12
Глава 1	15
Как читать эту книгу	20
Глава 2	23
§ 1. «Это замаскированный СССР»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глеб Павловский
Ироническая империя. Риск,
шанс и догмы Системы РФ

© Павловский Г. О., 2019

© Оформление. Издательство «Европа», 2019

Конструктор с зубами

Книга «Ироническая империя» написана тем уклончивым и увлекательным стилем, который не тщится вызвать доверие, рядясь в мундир авторитета, но будит в читателе ответную вибрацию мысли про самое увлекательное в России – ее власть и ее общество.

Повествовательный блеск этот может и раздражать глаза: каждый абзац вспыхивает новыми определениями только что выдуманных и мгновенно снабжаемых плотью и историей сущностей, но он необходим для того, чтобы подступиться к нешуточно сложной авторской задаче: описать главную тайну и при этом самое бросающееся в глаза свойство нашей политической машины – ее неистребимую ненастоящность. Ее имитационность во всем – и дурном, и хорошем.

С этим сталкивался всякий, впервые приходя на госслужбу: думаешь причаститься в храме четырехсотлетней бюрократии, а там все как вчера родились и дальше завтра не глядят. Ничего не готово, каждая задача возникает ниоткуда и решается наново, и всё как будто слегка изображает то, чем не является. А как же то единственное, в чем, по выражению Бенджамина Франклина, можно быть в жизни уверенным: смерть и налоги? Или, переводя на русский, воровство и убийство – они-то настоящие? Но подавляюще большая часть политической машины не занимается ни вторым, ни даже, что особенно обидно, первым – она пытается производить госуслуги, часто не без успеха, но в основном производит впечатление.

Это свойство пытались как-то связать с постмодернизмом, хотя оно старше первых разговоров о постмодерне, а самим имитаторам не до красот: они заняты постоянной обороной от лично порождаемых угроз. Как сказано в другой прекрасной книге о России, *Nothing is true and everything is possible*. Ничто не правда, ничто не невозможно. Отсюда исходит соблазн, который водяным знаком просвечивает на каждой странице книги: самому влезть и попробовать поиграть в этот прелестный живой конструктор. И при этом не лишиться пальцев.

Екатерина Шульман

политолог, доцент Института общественных наук РАНХиГС

Политическая социология Глеба Павловского

Ренессансная модель политического мышления не предполагала наличия границы между теоретизированием и праксисом: условия верификации знаний об обществе еще не были отделены от условий их производства. Теория мыслителя, неспособного выстроить солдат в колонну или изгнанного из города после разгрома своей политической партии, тут же оказывалась *de facto* несостоятельной. Характерный симптом такого отношения к политической мысли – издевательский тон, в котором Маттео Банделло в *Le Novelle* рассказывает о попытке Никколо Макиавелли – на минуту, автора *Dell'Arte della Guerra* – покомандовать отборными наемниками Джованни делле Банде Нере. Промучив солдат лучшего кондотьера Европы и своего большого поклонника несколько часов, Макиавелли так и не смог добиться построения, описанного им в «Искусстве войны». Зато был чрезвычайно красноречив вечером во время ужина в палатке военачальника. «Никколо был прекрасный и убедительный рассказчик, – ерничают Банделло, – но есть разница между людьми, которые умеют хорошо писать о таких вещах, и людьми, которые умеют их делать».

Автор книги, которую читатель держит в руках, несомненно, умеет делать и то и другое, что не удивительно: давать политические советы суверену – одно из последних в наши дни истинно ренессансных по своему духу занятий. Концепты здесь намертво привязаны к действию, а письмо – к результату. Граница между теорией и праксисом не просто проницаема, как проницаема обычно любая граница, – здесь она буквально провоцирует на контрабанду, на обмен, на заражение. Это приводит к интересному эффекту. Рефлексия современных политических теоретиков обычно или запаздывает, или изживает себя прямо на их глазах. Джон Ролз в 1988 году выводит в качестве фигуры «грядущего хама» серфера из Малибу, живущего на пособие не из-за невозможности найти работу, а просто потому, что ему так хочется, но уже в то время эта фигура вовсе не метафора отдаленного будущего, а самое что ни на есть настоящее. Бруно Латур в середине 90-х требует создать «парламент вещей», делая вид, будто опередил эпоху, хотя такие парламенты – в виде парламентов вещей и алгоритмов – были созданы еще в 60-е годы прошлого столетия, когда в СССР и США появились первые системы предупреждения о ракетном нападении. Ульрих Бек и Зигмунт Бауман увлеклись раскрытием загадок и живописанием ожидающих нас кошмаров глобализации в тот момент, когда она уже изживала себя.

Рефлексия ренессансного теоретика – а Глеб Павловский, несомненно, теоретик ренессансного закала – опережает развитие своего исследовательского объекта. Не вкусив запретный плод идеи «прогресса», которая отделила утопии от концептуализаций, а метафоры от концептов, ренессансная мысль обращается к объекту «в целом», адресуясь к нему в модусе наигранной (не наигранной она была, кажется, лишь у греков) эпистемологической невинности. Поэтому ренессансная мысль не просто опережает время, она игнорирует целевые ориентиры нововременной темпоральности как таковой. Для такой мысли история не имеет цели в виде прогресса, политика не имеет цели в виде транзита к демократии, утопия не имеет цели в виде собственной материализации. Это принципиально не- и внеидеологическое мышление – мышление, которое просто не знает, что такое идеология. В наши дни такая «неприрученная» мысль – редкость, и ее воистину проще найти в амазонских джунглях, чем в академических аудиториях.

Книги, подобные этой, большая редкость в наши дни: это теоретический трактат, обстоятельства производства которого, включая биографию автора, не отделены от истории как пространства личного действия и инстанции верификации правоты или неправоты теоретического высказывания. Трактат Павловского попросту игнорирует проклятье, наложенное на политическую теорию Сеймуром Липсетом, который в 1959 году провозгласил, что конечная цель

любого политического теоретизирования – это установление условий, «способствующих демократии». Этой книге неведом прогрессистский пафос, запрещающий саму попытку помыслить «плохое правление» вне перспективы его демократизации. А значит, эта книга, пусть метафорически, пусть с наигранной невинностью, но адресуется «политическому» как таковому, политическому в том его виде, которое еще (или уже?) не искажено нормативной или даже, пожалуй, «нормирующей», если вспомнить Генриха Риккерта, установкой современной политической теории.

Теда Скочпол против Михаила Гефтера

Итак, мы имеем дело с ренессансным трактатом о российской политике в том ее смысле, который автор вкладывает в главную метафору текста – **#СистемаРФ**. Что есть эта Система? Это не концепт, так как **#СистемаРФ** априори не ограничена раскрывающими ее различиями и определениями. Это не категория, так как она намного специфичнее простой предикативной атрибуции типа «эксклюзивно российская версия авторитарного политического режима, укорененная в культуре и детерминированная исторически через эффект колеи». Впервые, **#СистемаРФ** – это маркер теоретического напряжения, способ обозначить место пересечения двух парадоксов, разбор любого из которых, не будь политическая теория проклята в момент своего появления на свет, мог бы изменить направление развития этой теории и не позволил бы ей «убежать от реальности» так далеко, как это только возможно, если использовать формулировку Йена Шапира.

Оба парадокса были сформулированы примерно в одно и то же время – в 70-е годы прошлого века. Американский социолог Теда Скочпол, разбирая сходства и различия французской, русской и китайской революций, вывела тезис об «этатистском обществе». В обществах такого типа механика становления и эволюции государства опережает эволюцию общества. Социальная мобильность, система иерархий и накопление богатства реализуются не вне государства, а внутри. Эти механизмы не просто не автономны, они подчинены логике развития государственного аппарата (государство в веберовском смысле) и логике действий государства как актора (государство в токвилевском смысле). С одной стороны, это действительно приводит к тому, что единственным «объектом желания» любой революционной силы в «этатистском обществе» становится государство как таковое: не захватив аппарат, не став государственным актором, революция не способна добиться своих целей; вопрос массовой поддержки, проблема построения массовой партии просто не стоит на повестке такой революции. С другой, получается, что государство в «этатистском обществе» способно разрушать себя изнутри, ведь раз в виде «общественной силы» есть только оно, то только оно и способно действовать, в том числе действовать революционным образом, действовать, уничтожая самоё себя.

Второй парадокс в те же годы сформулировал российский историк Михаил Гефтер. Поскольку Россия стала империей, не успев стать ни страной, ни нацией, государство в обоих смыслах – веберовском и токвилевском – не успело прорасти. Возникло нечто иное – протез государственности, инструмент масштабирования локальных паттернов властвования (холопства, местничества, вотчинного права, дворянской вольности и т. д.), не имевших, за отсутствием государства, легитимного статуса на гигантское пространство Евразии. Возник «социум власти»; слово «социум» в данном случае стоит воспринимать без иронии, так как оно было использовано примерно за 30 лет до того, как написанные под копирку кандидатские и докторские диссертации о «российском социуме» почти полностью его дискредитировали. Этот «социум власти», по мысли Гефтера, является главным препятствием построения национального или любого иного, в том числе, если читать гефтеровский проект Конституции СССР, и *советского тоже*, государства как такового. Механизмом асимметричной компенсации отсутствия государства-нации, по Гефтеру, становится культура: «Война и мир» Толстого и публи-

цистика славянофилов и западников возникают на месте так и не написанного общественного договора.

#СистемаРФ Павловского, прежде всего, маркирует спутанность «этатистского общества» и «социума власти», обозначает эту точку как место, откуда должно начинать теоретизирование о «российском авторитаризме». Отправной точкой такого теоретизирования становятся эти две идеи. Идея так и не родившегося государства, ежесекундно подменяемого клонированными, но и вариативными в каком-то смысле практиками господства «здесь и сейчас», которые, будучи негосударственными, редуцируют «шансовую», по Макс Веберу, природу государства к прямому и ничем не ограниченному насилию. И идея общества, растворенного в государстве, – общества, аномия которого является обратной стороной его «встроенности» в государственные механизмы, его успешности. **#СистемаРФ** возвращает нас к табуированному, маргинальному, но от этого еще более важному, принципиальному сегодня для политического теоретизирования вопросу. Вопросу о лумановском «единстве различения» двух ключевых категорий модерной политической мысли, вопросу о единстве различения «государства» и «общества». Оба парадокса – и «социум власти», и «этатистское общество» – показывают, какими могут быть окольные пути к этому единству. А **#СистемаРФ** служит дорожным указателем, направляющим мысль в сторону других, новых парадоксов «неправильного политического».

Диктатура без государства

Римляне не знали, что историческое время может иметь цель – в виде ли конца света или торжества разума. Поэтому диктатура как институт римской политической жизни не может рассматриваться в качестве аналогии современной диктатуры. Война и мир, урожайный и голодный годы, праздники и казни не имели конечной, внешней по отношению к событийному ряду цели, как и сам *progressus*, – все это были лишь этапы циклической, замкнутой, имманентистской истории, то есть истории как таковой. *Causa* – часть титула римского диктатора, разъясняющая, что именно он должен свершить в рамках простого уравнения: удвоение властных полномочий (один диктатор вместо двух консулов) и сокращение вдвое срока действия этих полномочий (полгода вместо года) – не имеет ничего общего с «целью» в современном понимании.

Никакого трансцендирования по ту сторону закона, описанного Карлом Шмиттом в качестве ключевой черты суверенной власти как таковой, римская диктатура не знала. Она никуда не трансцендировала и ничего не превосходила. «Чрезвычайные положения» – от конфликта с богами, требующего назначения *Dictator clavi figendi causa*, то есть диктатора, уполномоченного забить годовой гвоздь в храме Юпитера Капитолийского, до устройства публичных игр или управления военными действиями – не были «чрезвычайными», так как все они уже были включены в набор циклически повторяющихся вариаций истории города.

Модерная диктатура, напротив, возникает как эффект открытого горизонта линейного, а не циклического понимания истории. Здесь всё как в первый раз: каждое новое ЧП как бы уничтожает исторический опыт предыдущего, каждая новая война становится «последней», каждое новое бедствие – беспрецедентным. Такой исторический горизонт требует не ритуала, не молитвы и покаяния, не поиска прегрешения, открывшего дверь очередной «Черной смерти», а сверхусилия суверенной власти, направленного на прорыв по ту сторону закона и истории. Здесь мы обнаруживаем второе после парадокса спутанности «общества без государства» и «государства без общества» принципиальное для понимания **#СистемаРФ** обстоятельство. Модерная диктатура может рутинизироваться, рутинизируя режим ЧП, утверждает Павловский. Модерная диктатура не требует государства-нации в качестве «носителя», рuti-

низируя ЧП; оно способно притворяться то оскорбленной империей, то бодрящимся актором-модернизатором, то суровым искоренителем скверны, оператором чисток и репрессий.

При этом рутинизация ЧП – рутинизация модуса «государства, борющегося с беспрецедентным бедствием», – оказывается чуть ли не спасением для «общества». Такая рутинизация превращает ЧП в перформанс. Каждое новое ЧП становится, если немного изменить формулировку Бернарда Манена, эпифеноменом «аудиторного авторитаризма», предельно реалистичным шоу, которое как бы «перезагружает» медийную оболочку диктатуры без государства. Поэтому убегающей от бремени собственного прошлого **#СистемаРФ**, в отличие от хунты, военной диктатуры или полицейской диктатуры, не нужны реальные массовые репрессии для собственного воспроизводства. Она может притвориться любой из вышеперечисленных оболочек под нужду нового ЧП, а затем просто отбросить эту оболочку и найти новую.

Рутинизация ЧП порождает еще один эффект, о котором пишет Павловский, – эффект спонтанной «массовой сделки» населения с каждым новым модусом **#СистемаРФ**. Политическая поддержка обычно объясняется в терминах рационального выбора. Налоговые и экономические интересы, запросы и ожидания – шире, любые чувствительные точки повестки тех или иных социальных групп находят свою реализацию в виде относительно рационального (по крайней мере, объяснимого в рациональных терминах) политического поведения: голосования, пожертвований, участия в массовых акциях. Павловский убедительно показывает, как миллионы единиц адаптированного к рутине ЧП рационального политического поведения буквально создают агрегированную иррациональность **#СистемаРФ**.

Историк как действующий

Прелесть этого трактата не исчерпывается «охватывающим» характером мысли автора, не искаленной «нормирующими» предпосылками. Как и любой ренессансный политический трактат, эту книгу можно и должно читать не только как теоретическое произведение, но и как практическое руководство, как справочник по *agere imperii*. И в этом смысле она, возможно, не менее ценна, нежели в качестве пролегоменов к новой политической социологии авторитаризма. Вместе с рефлексией теоретика здесь проявляются твердость руки и точность глазомера действующего, актора, примеряющего обстоятельства дела к своему политическому интересу.

Привычка мыслить таким образом в целом чужда российской образованной публике. Дефицит ленинского политического прагматизма часто сочетается здесь с догматизацией «образца», усредненного и упрощенного представления о работающих политических институтах, эффективной демократии и правовом государстве. Мешанина из неправильно понятых или вырванных из исторического контекста идей и понятий выдается за универсальный рецепт от всех политических болезней. Игнорируется не «реальная политика» – с ней, окажись она в нужных руках победившего меньшинства, проблем не будет, как не было проблем у интеллигенции с президентом Путиным примерно до 2003 года, – игнорируется политическая реальность как таковая. Политическое действие парализовано русским императивом «поступка» – эрзаца, слепка действия, адресованного не к политическому интересу, а к этическому императиву.

В одном из наших разговоров Павловский как-то сформулировал абсолютно точный тезис о параличе «сценарного» политического мышления у российской оппозиции. Ни рутина ЧП, ни годовой цикл давно сложившегося политического календаря Кремля не воспринимаются в качестве пространства для действия, окна возможностей. Как будто сама идея крепко сработанного и удачно реализованного плана – образца прагматического способа обращения с политикой – попросту исчезла из российских голов где-то на рубеже веков. Для тех, кто хочет натренировать свое сценарное мышление, для тех, кто, несмотря ни на что, все еще заинтере-

сован в успешном политическом действии, Павловский в очередной раз – поди сосчитай, который по счету в этой невероятной биографии – рисует новую политическую «дорожную карту».

Константин Гаазе

социолог, приглашенный эксперт Московского центра Карнеги

Вместо введения. Самая удачливая из Россий

Эта книга явилась случайно при работе над другой, о политической стратегии. Там я помногу ссылался на свойства российской Системы, про которую не раз прежде высказывался¹. Как-то объем ссылок обогнал текст и стал книгой. Не дописав том о стратегии, я издаю этот опыт о догме Системы. Моя пестрая книжка разворачивает один тезис: Система РФ – единственное на сей день успешное государственное образование русских. Она суммировала наш опыт выживания в обстановке угроз, чаще со стороны собственной власти. Руководят Системой РФ люди, разделяющие тот же опыт. Они выжили вопреки некомпетентным решениям, их собственным прежде всего.

Система РФ – то, что вышло из государственного строительства при конце СССР. Вопреки или благодаря ее аномальным актам, она подытожила наши действия последних 30 лет. Исследуя Систему в ее отклонениях, мы встречаем следы собственной аномальности – своих мечтаний, слабостей и сомнительных удовольствий.

Проблема не в том, что «у русских опять что-то не вышло», наоборот – дело в том, что у России в этот раз получилось. Система РФ – первая русская государственность, целиком основанная на нашем опыте. Правда, извлеченном поспешно, с тягой к темным его сторонам и упором на порочность мира и человека. Оттого мы в РФ сомневаемся – признавать себя вот

¹ Павловский Г.О. Гениальная власть! (М.: Европа, 2012); Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili (М.: Европа, 2014); Система РФ. Источники российского стратегического поведения (М.: Европа, 2015); 2016/Terminus! Неопропаганда, эскалация и предел наслаждений Системы РФ (М.: Европа, 2016).

такими или нет? Зря отвлекаясь от поразительного факта, что располагаем государственной инновацией мирового класса.

У людей в руководстве страны зачастую не видно стратегии, но Система РФ – гибкий стратегический ансамбль, ведущий себя подобно живому существу. Российская государственность – не государство, а операционная среда. Да, люди в России создали емкую, опасную для жизни и малокомфортную, по сравнению с европейской, государственную среду. Пусть исследователь Системы РФ различит в ней политические уклады и режимы власти – я не берусь за такую работу. Но и не утверждаю, будто охватил многоукладность властно-общественного целого, ведь разграничения власти и общества в России не было и нет.

Я уже сравнивал мой подход к Системе с текстом Джорджа Кеннана «Основы советского поведения». Удивление, которое семьдесят лет вызывает этот классический текст, связано с его непреходящей актуальностью вопреки переменам режимов в СССР и РФ. Режимы менялись – нечто системное в поведении населения и властей сохранялось. Накапливался опыт, и однажды, внезапно для нас, его навыки привели к образованию Системы РФ. С 2000-х о Системе можно говорить как о вполне отчетливом поведенческом алгоритме и государственной матрице.

Михаил Гэфтер, исходя из долгой перспективы русской истории, говорил о «социуме власти». Система РФ – его новейшая разновидность. Здесь властью оперируют как заместителем любых социальных отношений. В Системе отношения людей трактуют как отношения рангов и категорий подвластности (Симон Кордонский называет их *сословиями*).

Трудный вопрос о чуждости РФ прежнему государству СССР. Что за безобразие в РФ не найдешь, тут же слышим о «тяжелом советском наследстве». Правда та, что новообразование РФ космически далеко от Советского Союза, иноприродно ему. Российская Федерация чужда всякой преемственности советского опыта, его просвещения и культуры. Но как люди, обитавшие в Союзе, создали нечто столь от него отличное?

Система – их ответ на вызов своего неудачного опыта. Ответ отчасти рассудительный. Ведь в опыте советского населения не один только коллапс СССР, но еще более – неверность постсоветских проектов выхода из коллапса. Речь не об одном кризисе, а о целом кризисном сериале, где новые спазмы отчаянности создавались попыткой выйти из предыдущих.

У людей не считается чем-то новым, когда их усилия ведут не туда, куда рассчитывали прийти. То же было с Системой РФ. Она в малой степени результат злонамеренных планов и целенаправленного поведения. То, в чем скорее надо упрекнуть создателей новой России, – их недопустимая стратегическая рассеянность.

РФ – великая историческая случайность. Российская Федерация возникла вне «русской идеи», без проекта будущей России. Не было ценностного пакета, совместимого с новой государственностью. При возникновении РФ царил идеальный вакуум новых идей. И что же видим тридцать лет спустя? Незаменимую страну современного мира, опасную силу, государственный объект с местом в Совете Безопасности ООН. Глобальный результат достигнут при смутных целях, невежестве в мировых делах и резервами, наполовину растраченными зря. Разве это результат? Да, это результат, но опасный результат. Россия, о которой в мире прежде не думали, сегодня во многих землях опять вызывает тревогу, ненависть или страх. И все-таки это нечто допускающее коррекцию в будущем.

Тридцать лет российская мысль оплакивала хрупкость и крушение империй, а в результате у нас вышло нечто вовсе не хрупкое – Система РФ. Болтовня о катастрофах и «распаде России» здесь любимая сказка на ночь, но ничто не распадается. Все, что могло рухнуть, рухнуло. Российская Федерация не рухнет, поскольку ее нет в качестве государства, ансамбля национальных институтов – она лишь *государственность*, его правдоподобный и эффективный заместитель. Это замещение я и именую *Системой РФ*. Система РФ учла и обобщила опыт провалов российского государственного и общественного поведения. Оттого она выгля-

дит сравнительно успешной и впечатляет многих. Хотя заклинания «силой державы» у нас в большой моде, власти РФ отбросили заботу о реальной государственной силе, так одолевавшую советских лидеров.

Система РФ – *слабая государственность*. Москва умело оперирует слабостью институтов как мотивом гибкости поведения – *верткости*. Цена этого велика и уже различима. Россия движется в закапсулированном времени, поддерживая свою актуальность рекомбинацией слабых средств. Некоторые из этих средств отвратительны, неприемлемы, и все очень опасны. Риски растут. Но и шанс остается. Автоматика Системы работает уже почти без наших усилий. Всем не нравится, как это выходит, картина все чаще пугает. И никто не верит, что будущее России обеспечено надежно. Ну так попробуем хотя бы понять, как это работает!

В одном можно быть уверенным: люди, что успешно действуют в нынешней России и в ней устроены, не имеют причин в будущем действовать иначе. Легко догадаться, что при больших переменах население России поведет себя так же, как действует теперь. Что такое Система РФ с этой точки зрения? Наш поведенческий навык. Плод отваги и оппортунизма – то робости, то готовности идти на жертвы ради близких и дальних. Опыт политики и опыт бегства от политики – оба равно важны. Систему РФ нелегко поменять на что-то другое. Это утopia у власти, это поколения, достигшие их государственной цели. Вы не скажете поколению: «Брысь!» Попытки ликвидации Системы непременно вызовут сопротивление. Те, кто не видит иных путей выживания, кроме алгоритмов Системы, поведут себя так, как подскажет она.

Читатель заметит: я не описываю социальное устройство России (оно меняется, а Система все та же). Не описываю административные или финансовые инструменты, которыми Система продлевает существование, – конечно, те крайне важны и составляют львиную долю забот населения.

Система РФ нелогична, а мое описание намеренно догматично. Эта книга – собрание догм и навыков выживания Системы. Я включил сюда кое-что из современной истории РФ, известной мне как участнику. Но это лишь опыты современника, а не история как таковая. Описывая догму Системы РФ, я не претендую знать, что из этого ляжет в основание теории феномена. Я лишь акцентирую то, что скажется в том переходном времени, в которое мы вступили.

Исправима ли аномальная Система РФ? Может она быть изменена минимально болезненно? Сможет стать цивилизованнее и гуманнее, оставаясь собой? Ведь и мы хотим остаться самими собой. Что именно мы хотим сохранить из *этой* России? Такой вопрос пора ставить прямо, а для этого прямо взглянуть на то, что есть.

* * *

По свойству ума, я не слежу за новинками в области политических наук. Но, конечно, мысли, которые легли в основу книги, стимулировались многими превосходными текстами и беседами с их авторами более, чем я способен поместить в список литературы. Работая над «Иронической империей», я испытал неизменно плодотворное влияние бесед с профессорами Иваном Крастевым (IWM, Вена) и Александром Филипповым (Высшая школа экономики, Москва), моими любимыми учеными собеседниками. Сумрачный стоицизм Дмитрия Бутрина и упрямая позитивность Екатерины Шульман – те виды внутреннего оппонирования, в ком я нуждался. Политические беседы с Александром Волошиным, Владимиром Путиным, Михаилом Ходорковским и Вячеславом Сурковым также оставили в уме глубокий, тревожный, но весьма обязующий умственный след. Стимулирующим был труд Владислава Иноземцева «Несовременная Россия», любезно предоставленный автором до публикации. Но, пожалуй, если бы не Константин Гаазе, я не решился б перейти к составлению этой книги – от сотен и сотен заметок о Системе РФ (многие из них – след будоражащих диалогов с Ириной Варской).

Глава 1

Предуведомление: о том, как понимать Систему РФ и как читать эту книгу

Государственный вывод населения РФ из прошлого опыта состоит в открытии преимуществ необременительной государственности. То есть чего-то, имеющего отдельные признаки государства, не требуя соблюдения утомительных правил игры. Система РФ учла слабые места советской и восполнила их новыми качествами. Советы были жестким, идейным и сильным государством: новая Система – довольно слабая государственность, безыдейная власть-рас-тяпа. Советы дисциплинировали население и его просвещали – Кремль наконец оставил всех в покое у телевизора, который можно и не включать. Союз держался на подавлении индивидуального неравенства: Система РФ – это миллион частных сделок, невольных, но небезвыгод-ных, усиливающих неравенство, выставляемое напоказ.

В национальных государствах, как в регулярной армии, всегда есть слабые пункты, удар в которые обрушит все. На череду иррегулярных войн, переворотов и контрпереворотов XX века – от советских «горячих точек» и Беловежья до войн с Чеченской Республикой – Россия ответила порождением иррегулярной государственности Системы РФ.

Система РФ – ансамбль слабых взаимодействий, не имеющий точки обрушения. Здесь некуда ударить, чтобы вынудить ее к краху

Усвоенные Системой РФ реплики западных либеральных моделей здесь применяют охотно, но не по назначению. Выборы превратились в массовую многопользовательскую игру населения, сознающего, что та не имеет отношения к власти и не должна иметь. Занятые игрой люди безразличны к качеству власти, принимая ту за естественный ландшафт, в котором необходимо действовать. Горизонт центральной власти и поддерживающего ее премиального класса не совпадает с оживленным уровнем *grass roots* населения, и они не опознают друг друга.

Прихотливая вольница для себя – но тем самым и для начальства. Это приятно, когда начальство под аплодисменты безнаказанно троллит сильные страны. Это бывает лихим и разбойным, когда начальство, хорошо заплатив, бросает тебя в чужие земли, вроде Донбасса, Крыма и Центрально-Африканской Республики. Это бывает огорчительным, если начальство найдет нужным тебя арестовать и пытаться. Но пусть неизвестно, к чему ведет, и неизвестно, чем кончится, кипучее чувство жизни, вырванной у злой судьбы без приложения малых сил, создает радующее нас состояние.

Система РФ обманчиво слаба

Первую из книг о Системе РФ² я задумывал как книгу о *слабой власти*. Исходной интуицией была ее тогдашняя коварная умеренность. Способность ненадолго достигать стратегических преимуществ, удерживаемых колоссальной ценой и плохо используемых.

Оглядываясь назад, мы видим ряд жесточайших кризисов, внутренних и мировых. Каждый мог отправить новое непрочное государство на тот свет. Будь Российская Федерация государством-новичком с регулярными институтами, быть может, ее бы не существовало уже. Система РФ не ждет кризиса – она опережает кризис и готова в нем пожить. В идеале она спонсор кризиса, если не инициатор, получая шанс стратегически преуспеть. Кризис встречают люди, знающие, как им быть при одномоментной потере всего – надежд, накоплений, гражданства и статусов. Оттого слабая РФ существует вот уж почти полсрока жизни СССР. Выросли поколения людей, обслуживающих наш цех производства кризисов с небезвыгодным спасением из них. Государства Россия при этом не возникло, но возникло нечто более важное.

Система РФ – территориальный модуль выживания, маскируемый под государство

Система РФ нацелена на восстановление устойчивости – любыми путями и средствами, независимо от чьей-либо правовой, моральной и культурной оценки. Она ведет себя как объект, стремящийся к гомеостатическому равновесию наперекор миру – вечно, тщетно, вынужденно и неукротимо. Возможно, Система РФ – русский маяк будущего в тонущем мировом порядке.

Система РФ – спайка власти, дискурса и богатства. Притворное государство

Система РФ открыто неблагородна. Тройку «китов», на которых она стоит, можно определить как спайку *тайной власти*, *дискурса* и *богатства*, подпитываемых одно другим, протекая и самовозрастая. Прочность контура обеспечена возможностью спецслужб применять насилие именем «государства» тайно и небескорыстно. Государственность в схеме Системы РФ превращена в палитру средств болевого воздействия, со ссылкой на прерогативу суверенной власти. Обогащаются здесь по капиталистическим правилам – капитал самовозрастает и рас-

² Bershidsky L. Putin's Trolling of the West Is Not Just a Tactic // Bloomberg. 2017. 10 November. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-11-10/putin-s-trolling-of-the-west-is-not-just-a-tactic>.

ширится, пока его не отнимут. Власть форсируют путем делегирования, раздвигая ее намеренно неуточняемые границы вопреки процедурам. Монополия очертила круг располагающих властью как собственностью; впрочем, войти в нее можно через постель. Процессы обогащения идут и бесконтрольно, далеко от Москвы, – скрытные, притворно подчиненные ее правилам.

Притворное «государство» убедительно исполняет отдельные государственные функции. Правдоподобность их выполнения наделяет его злоупотребления легитимностью

Система – стратегия наращивания властвования, а не государство

Совершенно неясно, насколько успешной стала бы в 1990–2000-х попытка Москвы выстроить общенациональную республиканскую платформу в границах РФ. Но за это и не брались. Система ускользнула от задачи, где правящая элита сломала бы шею и уступила место другим.

Система РФ – не то же, что государственная система России. Это легко воспроизводимый алгоритм успешного экстремального поведения без правил

Он не локализован в известных местах. Он несводим ни к режиму, ни к линейке процедур управления. Система РФ продвигает *властвование*, а не государство. В роли государства она, как правило, неудачлива. Притом Система несамостоятельна как имитатор – ей нужен шаблон, эталон. Примеры успешного властвования Кремль всегда ищет где-то вовне. Зато Система – неплохой стратегический игрок при пролонгации выгодных ей условий игры. В отчаянных обстоятельствах власть с легкостью провоцирует повторные риски, опираясь на безответственность перед населением.

Может Система сломаться? Только при опрокидывании всех защит разом – включая защиту опережающей стратегической *эскалацией*. Главный ее риск – риск игрока в «русскую рулетку» по Фейнману: неотыгрываемый окончательный проигрыш.

Романтическая аналитика Системы

В бесчисленных текстах политических экспертов мы встретим два ряда толкований, следующих параллельными курсами, обмениваясь аргументами. Одни говорят о «путинской системе», «авторитарном» или даже «полутоталитарном режиме». Другой ряд персонажен и психологистичен – здесь «игры Путина» и его «планы». Когда Леонид Бершидский говорит: «Он не верит в положительную сторону сотрудничества с Западом»³, причиной выставлен личный мотив, но опущены бесчисленные примеры сотрудничества с Западом, вопреки мнимому неверию Путина. Аналитики мечутся от «интересов режима» к «предубеждениям Путина», неизбежно отступая затем опять к «системным свойствам режима». Итак, мы не имеем ни концепта Системы, ни психоанализа ее лидера.

В Системе РФ лидер всегда одиночка, но это лишь условие его полезности. Лидер просто фронтмен Системы и работает «глушилкой», отвлекая внимание наблюдателя от важных деталей. Недурно изображая горгулью, Путин крышует технику Системы и круг лиц, обогащаемых его решениями и еще более – его попустительством.

³ Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Опыты политические, исторические и теологические о Революции и советском мире как Русском. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015.

Отступая перед аномальными свойствами Системы РФ, российская политическая критика склоняется к тому, чтобы объявить ее попросту преступной. Выражение «преступный режим» превратилось в ироничный мем, закрепляющий эту формулу и ее же высмеивающий. Использование термина «режим» в России скрывает незаконную логическую операцию, санкционируя присущее *«социуму власти»* (термин Михаила Гефтера) смещение общества, государства и нации. *«Важно правильно называть вещи. В России – социум власти, машина властвования. Он существовал для защиты от опасностей и не менее того для продуцирования угроз. Без угроз наш социум власти не работает. Ему нужно самому производить угрозы, чтобы масштабно, с нарастанием масштаба на них отвечать. В сущности, страшный механизм... система, которая (с точки зрения мирового хода вещей) решала простые задачи способами, которые прежде не применялись»* (М. Гефтер)⁴.

Власть в Системе двулично персональна. Свойства ее легко списать на отклоняющиеся черты личности. Путин – отклонение, удобное в роли поверхностного объяснения. Но переведем взгляд с личности на функцию: путинская Россия практикует аномальность как норму. Противореча себе, оппозиционные критики то описывают Систему как абсурдную, то фантазируют, будто с уходом Путина все в России вернется к «норме».

Российское государство имеет название, но российская Система безлична. Проклятия и клички она воспринимает без вреда для себя. *Путинская клептократия, петрогосударство, преступный режим* – все эти пустые пароли тонут в ее безыдейном желе. Клеймя преступный режим, остаешься во власти предложенных им сюжетов. А главный его сюжет – Путин. И Путин – что угодно, только не отклонение.

Система РФ – не система общественного договора

Систему РФ иногда описывают в терминах теории общественного договора, но договорной она никогда не была. Власть в Системе действует как азартный игрок. Хозяин Системы, *Maitre de jeu*, – ее премиальный класс: те, кто ходит в казино, делая ставки неограниченное число раз. При крупных проигрышах они списывают издержки на население. За счет чего это возможно? За счет *моментальной массовой сделки*, уникального института самодисциплинирования масс.

Эскалации власти понижают жизненный уровень населенца без его согласия – а он ведет себя так, будто согласие дал. Он молча принимает корректировку порядков, правил и уровня жизни. Это не «общественный договор» – с гражданином не пытались ни договориться, ни хотя бы обговорить перемену правил. Но человек Системы ведет себя так, будто со всем согласился. Он пребывает в длящейся неутрачиваемой молчаливой массовой сделке с властями. И это порождает в оппозиции бесплодные мечты о будущем, когда «обманутые» якобы граждане наконец «поймут обман и вынудят власть к демократизации».

На вопрос о гарантиях Система показывает на Путина: вот ваша гарантия! Но едва возникает вопрос: «А что если Путин уйдет?» – как ответ становится никуда не годен.

Ресурсное поведение, реколонизация, выживание

Модель Системы РФ – не государственная модель. Еще Джордж Кеннан описывал не «сталинский режим», а особую культуру поведения – обращение со всем внутри и вовне как ресурсом *выживания*. Обитатель Системы – регион, организация или человек – действуют как

⁴ Serebrennikow. Uns trennt kein eiserner Vorhang mehr // Süddeutsche Zeitung. 2017. 2 August. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/theater-in-russland-russlands-schicksal-entscheidet-sich-1.3613149?reduced=true>.

Система в целом: преступает нормы, импровизирует и «наглеет», презируя ценности и расхищая ресурсы. Все оправдывается целями выживания.

Используя население, Система интегрирует российское пространство, опираясь на производные западного прогресса. Это свойство иногда называют «паразитарным государством», «карго-культом» или «внутренней колонизацией». Речь же об искусственно возобновляемом режиме вечного выживания. Поддерживая страну в таком состоянии, Система интегрирует бедствующее пространство путем многократных его освоений. Всякое новое освоение пространства переучреждает и Систему РФ.

Система: модель деятельности, маневрирующая комплектами ресурсов

Система РФ – модель деятельности, маневрирующая от одной комплектации ресурсов к другой. Как поведенческая матрица, она пугает. Команды, от бригад самозанятых промысловиков до придворной команды Кремля, собираются под случайную выгоду – быструю, неверную, криминальную. Услуги, оказываемые при этом населению, всегда обусловлены его зависимостью.

Система успешна как *государственность*, но как *государство* внутренне недостаточна. Зато она инновационна как заместитель государства. Не будучи государством, Система обслуживает операции власти на всем пространстве Российской Федерации, и пространственная идентичность ее выходит далеко за суверенные границы. «Пузырь» внутри глобализации, Система РФ обращается с планетой как с доверенной собственностью. Ее функционал – держание мирового пространства готовым к любым ее операциям и переустройству.

Делегирование суверенитета РФ неудержимо в ее суверенных границах

Отменить Систему нельзя. Лезть в нее руками, как делает команда стареющего Путина, недопустимо. Предоставить дело спонтанному ходу может только самоубийца. Но она – то небольшое из сделанного в России, что успешно на мировом рынке: Система ужасает, но она уже там.

Фрагменты Системы ведут себя как Система

«То, что так трудно объяснить Западу: все существует рядом друг с другом! “Тоголь-центр” с самого начала поддерживался на государственные деньги, и это при Владимире Путине. В России существуют совершенно открытые пространства. А рядом – Кафка, сумасшедшие, которые проклинают искусство и хотят уничтожить любой свободный порыв» (режиссер Кирилл Серебренников⁵). Все импровизируют, добиваясь выгодных решений аномальными средствами. Все создают очаги исключительной власти внутри аппарата и в регионах. Все подделывают факты и имитируют успех.

Система – поведенческий эталон, которому ее акторы следуют в личной практике. Фрагменты Системы склонны вести себя как сама Система

При таком обращении с любой ситуацией как одноразовой успех усиливает игроков. Экстремальность завышают до уровня, где личная эксцентрика сглаживается. К более высоким уровням чрезвычайности Москва пока не готова.

⁵ Дмитрий Быков. Не думаю, что лично Путин устроил все худшее в России // Блог Эха Москвы. 2017. 29 ноября. URL: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2101158-echo/>.

Как читать эту книгу

Эта книга устроена так, чтобы читатель мог читать ее почти с любого места, в зависимости от склонностей.

Начав с главы «Три предубеждения о Системе РФ», вы выберете историко-генеалогическое введение к образованию этой великой аномалии. Параграфы трактуют самые распространенные версии и предубеждения. Первый же параграф о Системе РФ как «перелицованном СССР» указывает на колоссальную роль отталкивания от советского наследия для возникновения Системы. Второй параграф – о месте России внутри «века имитаций» (термин Ивана Крестева). В посткоммунистическом мире ЦВЕ тридцатилетие 1988–2018 было годами мимесиса – интенсивного подражания западным либеральным институтам ради включения в структуры Запада. Россия провела эти годы, разрабатывая свою альтернативную модель имитации. Не допущенная в западные союзы, она довела до блеска модель впечатляющей глобальной силы – аномального полюса, конкурентоспособного, хотя и не в обычном смысле. Третий параграф разбирает и оспаривает рефрен описаний России как *слабого государства*, чуть ли не на грани распада. Показано, что эта слабость коварна и выбрана как путь развития, способный к контратаке.

Третья глава «Догмы успеха Системы» – для меня она основная, но для читателя, возможно, суховата и политически «алгебраична». Здесь разбирается собственно рабочая архитектура Системы РФ. Автор настаивает, что большинство отношений и свойств, приписываемых «российскому авторитаризму» или «путинскому режиму», имеют не политическую и не управленческую, а *стратегическую* подкладку. Жизнь Системы – это война мирного времени, внутри и вовне страны безразлично. Стратегическая логика властного поведения обеспечивает маневренность, способность манипулировать неожиданными и незаконными ресурсами. То, что я и полагаю основой системной *верткости* (желающий может отождествить ее с Талебовой *antifragility*, но можно перевести и как *agile*).

Система не застойна и не статична. Она не бюрократическая пирамида, увы, а представляет собой неформальный поток делегируемых полномочий свыше, вне должных процедур и контроля. Это «суверенное делегирование» и есть собственно то, что выглядит «государством», им не являясь. Проблема делегируемого суверенитета в том, что делегированное почти невозможно вернуть назад. Там, где был один Путин, появляется десять, сто и более самоуправных «путиных». Здесь же, в следующих параграфах, рассматриваются такие центральные для Системы виды ее поведения, как способность радикализировать проблему, которую необходимо решать (воля к *эскалациям*). А также существование России в глобальной среде: не будучи национальным субъектом, эта высокоглобализированная структура, питающаяся из мировых сред, глубоко в них вторгается.

Четвертая глава «Кто все это делает» описывает известных читателю акторов Системы, как то: население и «населенцы» РФ, элиты, путинский «Двор». Здесь представлен мой взгляд на причины ее высокопрочности в *моментальной молчаливой массовой сделке* власти с населенцами (что надо отличать от всех форм общественного договора!). Рассмотрен институт путинского «ближнего круга» или Двора – порочный и коррумпированный, но функциональный модуль, делегирующий услуги Путина населению. Рассмотрен и «институт президентских выборов», породивший большинство известных технологий власти, ее клонов и имитаций.

Пятая глава «Русская принципиальность» о базовых принципах эффективности. Система РФ по-своему весьма эффективна. Глубоко пронизывает жизнь населенцев и так называемых элит *принцип выживания*. Я показываю, как он сформировался и как превратился в фундаментальный пафос российской политики. *Принцип сдерживания*, яростно отвергае-

мый кремлевскими руководителями, – неявный принцип работы российской власти. Оттого и западный режим так называемых антироссийских санкций стал допингом и наркотиком для Системы. Санкции – мировая стратегическая игра на живые деньги, власть упоенно играет и будет играть в нее до конца, несмотря на любые потери. Да и неясно, кто здесь кого сдерживает – и кто выиграет в конце концов.

Шестая глава «Империя иронизирует» представляет признаки, из-за которых книга о Системе РФ и названа «Ироническая империя». Ироническое не означает комичное, смешное и менее всего, увы, – веселое. Ироническое – это способ существования, отчужденный от всего, чем действительно занят, – включая факты, идеи и принципы. Параграф об ироническом Путине в Системе РФ попал сюда потому, что президент – ироническое лицо Системы. Путиным она загораживается от нас, а не себя раскрывает. Параграф повествует о том, как Система РФ использует Путина. Параграфы об иронических медиа, иронических фактах и иронических идеологиях касаются уже известных эксцессов российской государственности. Я не вторгаюсь в пустую полемику вокруг «постфактов» и «кремлевской пропаганды», лишь намечая места включения этих явлений в Систему РФ и то, к чему это привело. Например, кремлевская пропаганда сегодня действует как токсичная мозговая имплозия для самих кремлевских вождей. Она парализует их видение реальной России и мира. Речь уже просто о театре одного зрителя, утопающего в дорогостоящих телефантамах. Ироничность идеологий в Системе превратила пугало «государственной идеологии» в бумажного тигра – Система является единственной идеологией сама для себя и остается таковой до конца. Ее *верткость* не потерпит конкурентов в виде ортодоксии, церковной, левой или традиционалистской.

А вот **«Ироническое зарубежье»** – отчасти спорный для меня самого параграф. Речь о том, как Система РФ разыгрывает Евровосток, или так называемое ближнее зарубежье. Этот выездной театр их ужасов, переживаний и фантазий, возможно, более кровавый для Кремля, чем Россия. Судьба Украины – ужасный пример сценариста, потерявшего себя в своем сценарии.

Седьмая глава «Отдельные недостатки» – о разных формах насилия, подавления и, в конце концов, общей варваризации Системы. Об РФ словами Зорькина, «свирепом государстве». Что тут делают с законом? Во что превратился контроль? И насилие – насилие, составляющее самую сладкую косточку Системы, пароль ее желаний, услад и даже эстетики. Не забудем, что за эффективность Система расплачивается варварством во всех слоях общества – от мала до велика – неостановимой экспансией «института» мести и пытки. Естественен здесь параграф о собственности, которая в Системе признана, если отнята у законных владельцев и постоянно пребывает под угрозой отъема. Глава завершается параграфом о политике *времени* в Системе. Усилия по устранению фактора времени из внутренней жизни страны – попытка создать обособленное внутреннее время Системы. Такие часы, где стрелки можно переводить в любую сторону по желанию.

Книга заключается **главой «Руинирование»** Системы РФ. Болезненная для меня, но открытая постановка вопроса о возможности (или невозможности) движения Системы к финалу. Здесь три параграфа. Первый посвящен Путину, изношенному тем, как Система его использует. Путину как телесным часам Системы, выходящему на его «последнюю милю» – милю транзита власти. В параграфе **«Финал inside»** незачем искать образов апокалипсиса и очередной «великой геополитической катастрофы». Ожидание финала и игра с ним, то приближающая его, то отсрочивающая, включена в операционную программу РФ. Третий параграф – **«Фальсификация Системы Системой»** описывает маловероятную, но грозно заметную *деятельность саморазрушения* Системы.

Эта деятельность исходит не от выдуманных мировых врагов (я их называю «призраками по вызову»). И не от российской оппозиции, стойкой и мужественной, но интеллектуально беспомощной, а от правящих верхов Системы РФ. Увлеченный ее аномальными качествами

и магией верткости, Кремль утрирует их до степени, когда его побеги из ловушек выглядят спектаклями саморазоблачения, приобретая Системе врагов, а не друзей.

Система РФ – *трикстер*, имитатор и лжец по природе. Ей зато дана невероятная, невыносимая большинству наций *юркость*. Злоупотребляя ею, кремлевский Двор коррумпирует дееспособные механизмы Системы. Таким образом, Москва может сделать то, на что неспособны ни весь вместе Запад, ни исламский терроризм, ни тем более протестующая интеллигенция. Катастрофа корабля «Союз», обязанная байконурской кувалде, и авианосец «Адмирал Кузнецов», торпедированный портовым краном, – абсурдные символы дурацкого конца игры нашей азартной Системы РФ.

Глава 2

Три предрассудка о Системе РФ

§ 1. «Это замаскированный СССР»

Большой транзит СССР—РФ: революция выживания

Система РФ возникла внутри Большого транзита – советско-постсоветского перехода конца 1980-х – начала 1990-х годов, и без этого не могла возникнуть. Но Система не продолжала советскую. Это не ответ на Советский Союз, а глубинная реакция на его либерализацию в горбачевское пятилетие. СССР был искусственным обществом с поддельными статусами, не отвечавшими фактической структуре. Это создавало невыносимую ситуацию для внутреннего развития. Но на неумелую либерализацию советская система ответила извержением аномальных возможностей русско-советского человека, искушенного новым опытом выживания при угрожающих переменах. Вопреки утверждениям, отрыв общества постсоветского транзита от советского прошлого не был поверхностным или слабым. Эта радикальная реакция извлекла *de profundis* заново переработанный опыт: никаких великих идей! Никакой сильной империи! Никакого политического просвещения, и вообще – никакой политики!

Партнером населения неожиданно стало *начальство*. При том что имущественная и формальная дистанция между простым населенцем и начальником в Системе РФ глубже, чем в СССР, экзистенциальный разрыв снизился в силу *императива выживания*. На переходе

из СССР в РФ начальнику пришлось выживать, как рядовому советскому человеку. Зато он приобрел власть, какой не имел и не получил бы в СССР, – власть над собственностью и жизнью человека. Населенец РФ и этим доволен. Власть олицетворена, и он верит, что он с ней общается по-человечески «как мужики, и Путин такой же мужик».

Советская конструкция государства была искусственной, и в РФ решили, что можно искусственно выстроить новую Россию. Обеспечив все нужное для жизни на остающейся территории или в международных обменах.

Проектирование субститутов государства в роли средств территориального выживания стало принципом Системы РФ

Система РФ – дитя случайности

Российская Федерация по сей день не имеет критической истории ее тридцатилетия. Не описаны стечения обстоятельств ее генезиса – включая случайность, позволившую ей вообще возникнуть. Зато у немногих «чемпионов выживания» во власти случайность успеха вошла в правило и азартную уверенность в победе.

Важен вопрос образца, в соответствии с которым выстраивали Систему РФ, – был ли он? Кажется, что нет. Ряд случайных статей (а то и мемов – «Ворюги мне милей, чем кровопийцы») приняты были за политический проект в конце СССР. Дискурсивный пунктир оказывал больше влияния на решения, чем рациональные планы. Конституцию РФ сочиняли наскоро, как устав гуманитарной автократии Бориса Ельцина.

Новая Россия не имеет великого текста в ее политическом основании

Не исключено, что Система РФ – то немного, что вообще можно было выстроить на землях РСФСР в логике *централизованной* государственности. После переворота 1993 года, отбросив первоидею России как договорной Федерации, «страны стран», антиконфедералистский проект Ельцина привел к антигосударству, развившемуся в современную форму.

От аномальности к фиктивности

Российская Федерация строилась и жила в болезнетворном горизонте упраздненной страны, «правопреемницей» которой хотели быть при невозможности этого в реальности. Она расположена в случайных пределах советской Северной Евразии – руинах недостроенной Сталиным утопии русской городской цивилизации. На чем вообще основана вера, что Республику удалось бы построить здесь без опоры и согласия граждан? Следовало серьезнее отнестись к обстоятельству, что здешнее население – наследники или даже участники неслыханного насилия над социальными институтами и человеческой природой. Это насилие никогда не было вполне признано и искуплено – ему не дали себя искупить.

Страна не раз подходила к радикальной десталинизации и отступала перед этой задачей, дав себя отговорить или остановленную властями. Хрущевско-брежневский период мог стать периодом глубокой десталинизации, тогда еще мирной и солидарной: этого не допустили. Вообразимо ли, что аномальные зверства таких масштабов с участием людей, тогда еще живых, могут быть амнистированы и забыты, задвинуты в сторону как нечто неважное?

Сталинизм был зверской диктатурой развития. Система РФ не диктатура. Это ироничная тирания – театральная реконструкция «державы». Страну, остающуюся лишь сценой, властям незачем развивать

Задача построить государство Россия вне исторического опыта, но с учетом хорошо известных слабостей советских людей породила индустрию фикций – фикций могучих, правдоподобных и временно эффективных. Этим делом занята Система РФ и сейчас.

Переходность эпохи как алиби аномальной власти

Система РФ – это сборка советского с постсоветским внутри «транзита искусственности» обоих. Советский режим репрезентровал себя как государство, созданное революцией, трансфер к коммунизму. Его пафос легальной искусственности переняли постсоветские режимы – заявлениями о «переходности» они поныне отводят любую гуманитарную критику. Приняв в 1990-х слоган «*процесс реформ*» (термин, не предполагающий ни завершения, ни аудита), кремлевская транзитология стала апологетикой. Придворные Путина твердят, что, пока Россия в пути, тестировать правовые и гуманитарные качества ее государственности преждевременно. Но модель Системы РФ никогда не была переходной и независимо от отведенных ей сроков не трансформируется в гражданскую нацию.

Система предлагает креативную технику использования всего, от сталинизма до демократии, для быстреего достижения мелких выгод

От Системы СССР к Системе РФ. Общность поведенческих истоков

Советская система в проекте Сталина строилась как искусственная цивилизация с искусственными «классами», прежде не существовавшими. Так в 1930–1950-е годы создали *интеллигенцию* с ее подгруппами – советские журналисты, советские инженеры, советские писатели, советские разведчики. Встроенные во власть, все они долго оставались поведенчески бессильными. Говоря об «истоках советского поведения», Кеннан подразумевает поведение Кремля и только, справедливо игнорируя поведение остальных.

Еще в советском самиздате я предсказывал, что новый правящий класс придет из редакций журнала «Мурзилка» и «Огонек», из задних комнат продмагов, из райкомовских инструкторов и столичных мажоров – бесхребетной публики, *периферийно функциональной* для режима. Тех, кто был верткими советскими маргиналами.

РФ возникла при отказе ее руководителей нести ответственность за прошлые сталинские и советские преступления. Это случилось на пике попыток гуманизации Советского Союза и готовности союзного руководства нести ответственность за прошлое. Процесс был прерван Беловежскими соглашениями и не возобновлялся. Новая государственность сняла с себя ответственность за Союз, сохранив зато регалии, активы и инструменты искусственного общества, которым была учреждена.

О включении РФ в униполярный мир

Взглянем на возникновение РФ как на сумму требований извне к тому, что возникало на месте бывшего СССР.

Искусственное советское государство при попытке стать человечески нормальным моральным и европейским впало в коллапс и было упразднено собственным руководством. Это породило развилку – упразднить ли СССР и как именно? Идеология ликвидации могла быть различной, от реставрационной до неосоветской – все модели обсуждались. Выбрана была модель, основанная на идее соответствия западному эталону как «безальтернативному».

Этот выбор проскакивают, а он важен. Он закреплял догму о либерально-рыночном мейнстриме как единственном мировом эталоне. Однако в центре русской доктрины «единственности Запада» скрыто смешение – меланж консьюмеристски понятых черт азиатского капитализма с теологией провиденциальной правоты США. Объединяла их сталинская идея «железной исторической необходимости», которой должно следовать для успеха прорыва в будущее. Западный эталон пришел к советским людям в единственно известной им форме реванша – возвращения стране потерянной «авангардной мировой роли».

Описав Запад как мир-эталон, Россия обязалась в него «включиться», но только на собственных условиях. Неудачи интеграции отвергали как тотальную катастрофу с возвращением в «мрачное советское прошлое». Все, кто сопротивлялся новому утопическому рывку, – враги демократического народа, агенты коммунистического сатаны.

Включение в Запад диктует стране экстремальную норму существования. Вернуть авангардную роль надо любой ценой, хотят этого граждане РФ или не хотят

Первым развивают аппаратуру включения – способность страны к нему, то есть *власть*. Власть понимают как шефство над интеграцией РФ в мейнстрим – нечто великое мировое, чему «нет альтернативы». Иного не дано, если мы хотим вернуть России «мировую роль». Это диктует мандат на чрезвычайную власть.

Эталон либеральной западной демократии в РФ обслуживал силовой нажим власти в борьбе за возвращение «мировой роли». Для этого демократам потребовалось свое модернизированное ГПУ.

Модель демодиктатуры Виктора Орбана опровергла догму авторства силовиков в режимах путинского типа. Венгерская тайная полиция не играла никакой роли в становлении антилиберального режима в Будапеште. Зато сам Орбан с удовольствием уличает либеральных врагов в «посткоммунизме» и связях с тайной полицией. (Феномен венгерского режима, возможно, предвещает ту будущую модель постпутинской Системы, которая установится в РФ после ухода «эпонима».)

В РФ номенклатурные и кагэбэшные связи сыграли лишь роль первичной кадровой armatury, использованной в 2000-е командой Кремля при бетонировании режима. Старые кадры сработали как сети доверия, но не более того. То же касается первого круга друзей («питерских»). Поучаствовав в сборке и консолидации нового Двора, они стали необязательны для его дальнейшего существования. Впрочем, все они уже там и легко не уйдут.

Режим Путина создан не «силовиками и чекистами». В его идейной основе – либеральное двоемыслие политических схем 1990-х: непопулярные реформы, плюс популярная власть как прикрытие, плюс «технологии-внедренцы». Здесь мало идейного либерализма, но таким было мышление либералов ельцинского периода. Изолированной группы, страшащейся быть раздавленной «кровавой революцией» и «красно-коричневыми националистами» (мемы либерального сознания 1990-х). Демократическая элита потребовала политического комфорта – чтобы реформы не требовалось защищать никогда и ни от кого. Рай плюрализма при молчании населения и иммунитете от расследований.

Вокруг этого сложился *путинский консенсус* десятилетия «нулевых», где со временем управляемая демократия преобразовалась в идеологему «враждебности либералов» государству.

Превращение систем поддержки демократических институтов в блокирующие их системы

Интересно проследить, как протезы ассистирования слабых демократических институтов перерождались в их блокаторы. Хорошо это видно на примере Думы.

Болью демократов 1990-х годов была неспособность провести через Думу «программу радикальных реформ». Ситуация виделась простой: тексты нужных законопроектов готовы, вот они – а «коммунистическая Дума» их блокирует! Сложилась мечта о *форсирующем* инструменте, который, ломая сопротивление, проведет через Думу радикальные законопроекты. Проект «думского карбюратора» вынашивался в ельцинской администрации все 1990-е годы, с ним команда Путина пришла к власти. Их первые законы в Думе шли затрудненно, требуя изощренной техники нажима и переговоров. Но далее все стало проще, а затем совсем просто.

Не было красной черты, за которой лоббирование нужных АП законов перешло в думскую полицейщину и захват парламентских прерогатив, – это фазы последовательного развития одного инструмента. Но важно оценить и то, что Дума в конфликтах с властью ни разу не получала должной поддержки общества. Полицейский редизайн Федерального Собрания шел своим чередом, марши несогласных – своим.

Теряя свою законодательную власть, общество не пыталось этому воспрепятствовать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.